

КОНТЕКСТНО-СВОБОДНАЯ И КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННАЯ ИМПЛИКАТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

С развитием теории перевода все большее распространение приобретает убеждение в том, что «нет непереводимых произведений», но что «в любом художественном произведении есть такие элементы текста, которые... перевести нельзя» [Влахов, Флорин, 1980]. В связи с проблемой переводимости представляется интересным рассмотреть некоторые аспекты теории импликативности, так как она позволяет по-новому взглянуть на уже известные проблемы перевода и выявить новые.

Из математической логики известно, что импликация есть логическая операция, в которой два высказывания связываются в одно сложное высказывание с помощью логической связки «если..., то...»: «Если А, то В», по формуле « $A \rightarrow B$ », где А — антецедент, а В — консеквент, что читается как «А влечет (имплицирует) В» или «В следует из А» [Кондаков, 1971].

Напротив, лингвистическое понятие импликации, как и лингвистическое понятие пресуппозиции, хотя они и основаны на соответствующем логическом понятии, по сути является не операцией вывода, а ее результатом, самым выводом, что весьма существенно. В отличие от логической операции, где имеются два термина — антецедент и консеквент, в лингвистике импликация и пресуппозиция предполагают один эксплицитный терм: либо антецедент, либо консеквент, и это предопределяет, с чем именно лингвист имеет дело — с импликацией (в лингвистическом понимании) или с пресуппозицией. Когда имеется эксплицитный антецедент, из него выводится импликатура («А влечет (имплицирует) В»), при наличии эксплицитного консеквента мы знаем, что он выведен из пресуппозиции, т. е. «В следует из А». На самом деле А не дано нам в тексте, в высказывании, мы только полагаем (хотя и с достаточными основаниями), что А по необходимости имел в виду говорящий, если он ожидал правильного осмысления эксплицитного В. Поскольку и импликация (импликатура), и пресуппозиция, как понятия науки лингвистики, есть результат нашего анализа, и в том, и в другом случае мы сами делаем выводы: за говорящего — пресуппозиция, и за слушающего — импликатура, мы и связываем эти понятия с двучленной логической формулой.

Если же четко отделить анализ лингвиста, т. е. метод познания явления, от самого явления — предмета анализа, нам потребуется уже не двучленная, а трехчленная формула: $(A) \rightarrow B \rightarrow (C)$, где В есть эксплицитное высказывание, основанное на имплицируемом говорящим смысле — (А), и где В в то же время само имплицирует определенный вывод, который делает слушающий, — (С). Такая формулировка пресуппозиции и импикатуры, во-первых, соответствует сложившемуся в лингвистике представлению об этих явлениях (которые всегда и неизменно связываются с имплицитным в тексте) [Беллерт, 1978; Никитин, 1979; Арнольд, 1982; Долинин, 1983], а во-вторых, помогает понять, почему возникла необходимость введения в науку этих двух понятий, тогда как в математической логике оказывается достаточным лишь одно из них.

Итак, импликатура есть результат вывода (С), который делает реципиент из эксплицитного высказывания текста В при условии его осмысленности, а пресуппозиция (А) есть то условие осмысленности эксплицитного высказывания В в тексте, которое имеет в виду говорящий. Таким образом, (А) не тождественно (С), (так как (С) находится к (А) в отношении включения), пресуппозиция шире и богаче импикатуры, последняя есть лишь минимальный вывод слушающего, который позволяет понять высказывание В, она и есть понимание.

У разных реципиентов одного и того же текста глубина понимания может быть различной, она зависит от качества и количества тех импикатур, которые реципиент извлекает из текста (высказывания В).

Оставим пресуппозицию, которой посвящена обширная литература [см., например: Кифер, 1979; Lyons, 1977; McCawley, 1981], и введем понятие имплицативности. Под имплицативностью будем понимать теоретически возможное множество импликатур, которое идеальный реципиент способен извлечь из данного высказывания (или текста).

Как уже было отмечено [Чернов, 1980; 1984], смысловой вывод, или импликатура, имеет своим источником четыре взаимосвязанных, но все же четко различающихся явления: 1) семантико-смысловую структуру всей ранее состоявшейся части сообщения — языковой вывод; 2) компоненты содержания своей долговременной памяти (тезауруса знаний о мире) — тезаурусный вывод; 3) факторы ситуативного контекста сообщения — ситуативно-дейктический вывод; 4) социально-ролевые характеристики говорящего и адресата сообщения — прагматический вывод. Эти четыре типа имплицативности по-разному проявляются в текстах и по-разному отражаются на переводе.

В силу того что «акт перевода... распадается на два взаимосвязанных коммуникативных акта — коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем» [Швейцер, 1973, 63], первый акт коммуникации — понимание сообщения переводчиком, или извлечение импликатур, — составляет неотъемлемую часть процесса перевода, которой в последнее время уделяется недостаточное внимание.

Укажем на некоторые понятия теории имплицативности, существенные для теории перевода. Во-первых, на основе понятия имплицативности можно определить такой эквивалентный перевод, при котором имплицативность текста оригинала и текста перевода является совместимой, т. е. когда множество импликатур текста ИЯ и множество импликатур, вытекающих из текста ПЯ, находятся в состоянии пересечения, а в непересекающихся частях этих множеств нет противоречащих импликатур. Во-вторых, множественный (или вероятностный) характер имплицативности объясняет закон множественности вариантов перевода, согласно которому перевод любого текста возможен не в одном, а в некотором, часто значительном, числе вариантов. В-третьих, логично полагать, что значительная часть тех функциональных фильтров, которые постулируются в процессе перевода А. Д. Швейцером [там же], действует еще на первом этапе коммуникативного акта — акта коммуникации между отправителем и переводчиком в процессе понимания переводчиком текста.

Большое значение приобретает противопоставление имплицативности внетекстовой и текстовой, или, точнее, контекстно-свободной и контекстно-связанной имплицативности.

Поясним предложенные термины. Под контекстно-свободной имплицативностью понимается такая имплицативность, которая не зависит от предшествующего контекста и сама не влияет на последующий контекст. Напротив, контекстно-связанная имплицативность — это такая имплицативность, которая релевантна для всего данного произведения или какой-то его тематической части (темы, подтемы), когда импликатуры, вытекающие из некоторого конкретного высказывания текста, непосредственно релевантны для понимания дальнейшего развития текста в данном речевом произведении или в свою очередь зависят от предшествующего контекста.

При рассмотрении проблемы переводимости обычно, начиная с В. Гумбольдта, ссылаются на национальное своеобразие подлинника и более конкретно — на проблему перевода реалий, а также на проблему передачи игры слов, каламбура. Обращаясь к вопросу о влиянии имплицативности на переводимость, мы проанализируем это влияние на примерах из «Алисы» Л. Кэрролла — произведения, общепризнано представляющего

огромные трудности для перевода (тем более что к уже имеющимся переводам каждое десятилетие добавляется по крайней мере один новый перевод)¹.

Общеизвестно, какую роль играют в любом художественном произведении так называемые не прямые значения, в том числе метафора и ирония. Указывая на социальную обусловленность семантической (смысловой) стороны речи, «главный теоретик» «речевых актов» Дж. Серл проводит интересный для нас анализ метафоры, иронии и непрямого речевого акта как видов высказываний, в которых «значение предложения» и «значение говорящего» (т. е. контекстуальный смысл высказывания) не совпадают. Он пишет: «...произнося предложение, говорящий может иметь в виду нечто отличное от того, что означает предложение, как это бывает в случае метафоры; или он может даже иметь в виду противоположное тому, что означает предложение, как это бывает в случае иронии; или он может иметь в виду то, что означает предложение, но одновременно и нечто большее, как это бывает в случае разговорных импликатур и не прямых речевых актов. В предельном случае то, что означает предложение, и то, что имеет в виду говорящий, могут полностью совпадать» [Searle, 1979, 143]. При этом, согласно Серлу, и прямое значение не есть так называемое контекстно-свободное значение, поскольку и прямое значение в не меньшей мере, чем не прямое, зависит от «контекстуальных или фоновых представлений». Этот анализ подтверждается тем, что на практике зачастую «оказывается невозможным разделить... знание о языке и знание о мире» [Беллерт, 1978, 196]. Взаимодействие знаний о мире, или фоновых представлений, говорящего и слушающего с их знанием языка совершенно особым образом, а потому и более ярко проявляются в тексте «Алисы».

Дело в том, что главным художественным приемом Кэрролла является «насильственное внедрение» в текст прямого значения («буквального» — по Серлу), причем в норме в данном контексте оно должно восприниматься как не прямое. При этом происходит навязывание читателю новых — нетрадиционных, нетривиальных — фоновых представлений о мире, в котором разворачивается действие сказки. Алиса, постепенно и с трудом осваивающая этот «мир наизнанку», служит для читателя своеобразным «гидом-переводчиком» по этому миру, в котором речевая деятельность служит отражением мира реальности, и наоборот — мир отражает речевые «по поступки» персонажей, мир, в котором отсутствуют переносные значения, в котором постоянно отражаются так называемые буквальные значения высказываний персонажей. Происходит наращивание тезауруса новых представлений у читателя, представлений о мире кэрролловской сказки. В принципе в этом нет ничего нового. Те же процессы внедрения читателя в новый для него мир, мир данного художественного произведения, происходят с любым художественным произведением, особенно с фантастикой. Специфической особенностью кэрролловского мира является то, что он основан на речевой семантике. Другими словами, тезаурус кэрролловского мира начинает основываться в какой-то мере на языковой форме (пусть внутренней), которая, естественно, является формой английского языка. В этом особая принципиальная трудность перевода книги Кэрролла. Этот факт наводит на мысль о том, что относительный вес имплицативности каждого из четырех указанных типов имеет прямое отношение к вопросу об относительной переводимости конкретного текста.

Герои Кэрролла как будто органически неспособны понять не прямое значение высказывания, «когда они берут слово, оно означает то, что они хотят, не больше и не

¹ Анализу подверглись пять переводов «Алисы», преимущественно «Алисы в Стране чудес»: 1) Lewis Carroll's *Alice in Wonderland*, translated into Russian by Vladimir Nabokov. New York, 1976 (пер. берлинского издания 1923 г.); 2) Кэрролл Л. *Алиса в Стране Чудес*: Пер. с англ. Александра Оленича-Гнеденко. М., 1958; 3) Кэрролл Л. *Алиса в Стране Чудес*: Пер. с англ. Н. Демуровой. София, 1967; 4) Кэрролл Л. *Приключения Алисы в Стране Чудес*: Сказка, рассказанная Борисом Заходером. М., 1975; 5) Кэрролл Л. *Алиса в Стране Чудес*: Алиса в Зазеркалье. Изд. подгот. Н. М. Демурова. М., 1979.

меньше» (пер. Н. М. Демуровой 1979 г.). Если привлечь традиционные термины, то у Кэрролла можно встретить: 1) «оживление» стертой метафоры, 2) «оживление» внутренней формы слова, включая так называемую народную, или, по выражению Н. М. Демуровой, «детскую», этимологию, 3) «прозрачные» имена собственные — имена персонажей, которые «определяют их характеры, их ... поведение» и в конечном счете «драматургию книги», 4) персонажей английского фольклора, 5) собственные афоризмы автора, основанные на пословицах или имеющие форму пословицы, и 6) игру слов («Для Кэрролла словесная игра чрезвычайно важна сама по себе, она определяет поступки героев и развитие сюжета»). Пер. Демуровой, 1979, 323—324).

Как только высказывание начинает означать нечто парадоксальное, отличное от общепринятого, социально обусловленного, происходит нарушение языковых импликатур. В игру вступают тезаурусные импликатуры, но не произвольные, а определяемые внутренней формой номинации. А поскольку внутренняя форма слов двух языков, даже тех, которые примято считать строго эквивалентными, в подавляющем большинстве случаев не совпадает, становятся понятными специфические трудности перевода «Алисы».

Подавляющее большинство многочисленных примеров каламбуров и их успешных переводов, проводимых С. Влаховым и С. Флориным [1980],—это каламбуры, имеющие контекстно-свободные импликатуры. Все они в принципе поддаются переводу, часто с помощью приема компенсации или перевода на уровне описания ситуации [Комиссаров, 1973; 1980].

Контекстно-свободная импликатура хорошо иллюстрируется на примере афоризма — изречения, которое представляет явление как общую истину, как фундаментальный принцип или правило поведения. Приобретая значение всеобщности, афоризм приобретает внеконтекстную импликативность. Всеобщий характер афоризма у Кэрролла доводится до абсурда, до неприменимости даже в данном контексте. Из афоризмов Герцогини (гл. IX «Алисы в Стране Чудес») в переводах особенно не повезло перифразе известной английской пословицы: *Take care of the sense and the sounds will take care of themselves*.

В двух из пяти проанализированных переводов на русском языке появляется перифраза русской пословицы или известного изречения при полном игнорировании реального смысла афоризма в оригинале. Б. Заходер перевел ее так: «Не смеси языком, смеси делом» (как перифраза малоизвестной пословицы «Не спеши языком, спеши делом»); Владимир Набоков: «Слова есть — значенье темно иль ничтожно» — перифраза строки из лермонтовского стихотворения: «Есть речи — значенье темно иль ничтожно! Но им без волненья внимать невозможно...» И в том, и в другом случае потеряны тезаурусные импликатуры афоризма в оригинале. В двух других переводах потеряна форма пословицы, характерной чертой которой является «специфическое ритмо-фонетическое оформление» [Ахманова, 1969]. А это означает потерю языковой импликативности.

Контекстно-свободная импликатура — это вывод, делаемый в пределах одного высказывания или ограниченного отрезка текста и не имеющий специфических следствий для дальнейшего текста. Он может рассматриваться как автономный. В «Алисе» — это многочисленные случаи автономной игры слов, достаточно афористичной как таковой, но не имеющей реальных следствий для развития сюжета или характеров персонажей. В них часто тесно переплетаются и языковые и тезаурусные импликатуры, но ни одно из этих мест не должно в принципе оставаться непереуверенным. Их перевод — дело лишь таланта и трудолюбия переводчика.

Отрезки текста с контекстно-свободной импликативностью могут без нарушения законов перевода в целом использоваться как материал для переводческих упражнений. Приведем некоторые примеры переводов отрезков с внеконтекстной импликативностью из «Алисы», которые были успешно осуществлены в качестве упражнений на семинарах

по переводу. Например, следующие переводы рассматриваемого выше афоризма Кэрролла удовлетворяют требованию совместимости и тезаурусных и языковых — внеконтекстных — импликатур оригинала: *Было б что сказать, тогда и слова не занимать; Всему свой черед: была бы мысль, а слово придет; Слово не воробей: было бы что клевать — не надо и звать; Посеешь смысл, а слова уродятся сами.*

В ходе аналогичного переводческого упражнения получен едва ли не лучший вариант перечисления дисциплин, которые преподавались в «морской школе» гл. IX «Алисы в Стране Чудес»: «Служение, почитание, уношение и дурение» (как параллель ряда «сложение, вычитание, умножение и деление») с последующей репликой в ответ на вопрос Алисы: *А что такое «уношение»? — Ну как же, что такое «приношение» ты знаешь?*

Случаи внеконтекстных импликатур как раз и охватывают те места в пределах «Алисы», которые оказываются переведенными лучше всего (хотя и не всегда) у большинства ее переводчиков. Великолепно передается игра слов в большинстве таких диалогов у Б. Заходера, много находок и у других переводчиков.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о контекстно-связанных импликатурах, т. е. таких, которые, кумулируясь, играют роль на протяжении значительной «длины контекста».

Рассуждая чисто теоретически, в силу того что тезаурусная имплекативность в принципе, будучи имплекативностью экстралингвистической, переводима², а контекстно-связанные языковые имплекатуры имеют тенденцию к кумуляции в тезаурусную имплекативность, оба этих вида имплекативности не создают препятствий для перевода.

Иначе ведут себя контекстно-связанные прагматическая и ситуативная имплекативность.

Прагматическая имплекативность связана с проблемой общения персонажей, если речь идет о художественном произведении. Она также соприкасается с «постулатами речевого общения» Г. П. Грайса, основанными на предположении о том, что в норме говорящий следует ряду правил общения, которые сводятся к четырем категориям: количество (будь информативен ровно настолько, насколько это необходимо), качество (не высказывай того, что ты считаешь ложным), релевантность (говори по существу дела) и способ высказывания (избегай туманности, двусмысленности, будь краток) [Грайс, 1985].

Герои кэрролловской сказки постоянно нарушают постулаты речевого общения, и вследствие этого в тексте появляются парадоксальные, т. е. социально нетривиальные, прагматические имплекатуры. Они вытекают и из уже отмеченного приема — смысл появляется в результате «буквального» осмысления реплик персонажей: из двух возможных смыслов высказывания — прямого и непрямого — персонажи неизменно выбирают «буквальный» смысл.

Прагматическая имплекативность в «Алисе» начинается с имен персонажей. Н. М. Демурова, которая является не только переводчиком, но и исследователем творчества Кэрролла, пишет: «...„транспонирование" имен в книгах Кэрролла приобрело первостепенное значение. Выбор нового имени должен был опираться на круг ассоциаций, знакомых русскому читателю, которые в то же время не были бы исключительной монополией России. Выбор нового имени вел к „транспонированию" всех связанных с ним деталей... Выбор нового имени для кэрролловских героев — это определение их характеров, их дальнейшего поведения...» (пер. Демуровой, 1979, 323).

² Тот факт, что вопрос о переводимости / непереводимости никогда не ставится при научно-техническом переводе, по-видимому, свидетельствует о том, что тезаурусная имплекативность в чистом виде никогда не служит препятствием для перевода и достаточно легко воссоздается в тексте на ПЯ.

Особенно не повезло в русских переводах персонажу по имени Mock Turtle, но об этом ниже. Расскажем пока, что происходит с его русским «кузенком» в переводе Б. Заходера, который в целом изобилует многочисленными переводческими находками. Получая на русском языке имя Рыбный Деликатес, в ситуации знакомства с Алисой Mock Turtle говорит: — *Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом, — настоящей...*

«Настоящая рыба» в отношении одушевленного существа вызывает отнюдь не те импликации, которые имеет в виду Mock Turtle, с гордостью заявляя: "...Once... I was a real Turtle..." Социально-ролевые импликации персонажа в тексте ИЯ и в тексте ПЯ диаметрально расходятся, становятся несовместимыми, превращают данный перевод в смысловую ошибку, восходящую к ошибочному выбору имени героя в переводе. Еще более усугубляет ошибку текстовая имплицативность (накопление языковой имплицативности, которая кумулирует в имплицативность тезаурусную, превращается в знания о мире Страны Чудес и населяющих ее персонажей). *Деликатес* — существительное мужского рода — начинает означать существо мужского пола, а тут возникает... *рыба, да еще и настоящая (!?)*³.

Имплицативность имени «рыба», конечно, исключала следующий пассаж в переводе (как, впрочем, и имплицативность «базового» имени морской черепахи):

«...Считалось, что она («старая Мурена». — Г. Ч.) нас учит Рисковать Угрем и прочей муре — ну, там, Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как, — сказал Деликатес, — старею, с у с т а в ы не гнутся... (разрядка наша. — Г. Ч.)».

«Суставы» предполагают суставчатое существо, а не рыбу (и не черепаху), хотя, конечно, вполне можно было сказать: «...спина не гнется».

Что касается контекстно-связанных ситуативных импликаций, на практике чаще всего они не замечаются и попросту игнорируются переводчиками. Многочисленные случаи таких переводческих «недосмотров» приводятся в работе С. Флорина [1983]. Но именно среди импликаций такого рода чаще всего встречаются случаи, когда возникает несовместимая имплицативность отрезков текста ИЯ и ПЯ, т. е. происходит нарушение закона переводимости. Особенно часто нарушения эквивалентности происходят именно в связи с тем, что проблема ситуативно-дейктической или чувственно-наглядной имплицативности не замечается, игнорируется переводчиками. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, приводимые С. Флориным, возникновение контекстных противоречий в переводе, игнорируемых переводчиками. Именно невнимание к этому типу имплицативности чаще всего и приводит к ошибкам, тогда как в свою очередь это невнимание связано с тем, что в большинстве случаев ситуативно-дейктическая имплицативность некоторых отрезков художественного текста оказывается нерелевантной для переводов.

Если ситуативная имплицативность (т. е. смысловые выводы, которые делает воспринимающий сообщение субъект, исходя из своего знакомства с конкретной ситуацией коммуникативного акта) обязательно участвует в процессе понимания и, следовательно, в процессе перевода при устном переводе, синхронном и последовательном, то роль ее в письменном переводе становится лишь эпизодической. В

³ По этому поводу Н. М. Демурова пишет: «...По существующей издавна традиции в английском фольклоре, поэзии и сказках имена нарицательные осмысляются, если возникает необходимость, в мужском роде... Мы старались, насколько это было возможно, сохранить этот прием. Лев и Единорог, Мартовский Заяц, Чеширский Кот, Робин Гусь, лакеи Лев и Лягушонок, Грифон — все эти и некоторые другие существа естественно или с небольшим усилием превращались по-русски в „мужчин"...» (см. пер. Демуровой, 1979, 323; см. также ее перевод 1967 г.).

норме при восприятии текста, который был порожден в другой стране при неизвестных переводчику конкретных обстоятельствах, текста, описывающего неизвестную переводчику в конкретных деталях действительность, ситуативные импликатуры просто не возникают. Представления переводчика о действительности остаются на уровне тезаурусной импликативности (т. е. импликативности на некотором уровне абстракции), «восхождения к конкретному» не происходит⁴.

Чаще всего ситуативно-дейктическая импликативность остается на уровне гипотетическом, или вероятностном, как для оригинала, так и для перевода. И это норма. Различные переводы Шекспира не могут вызывать возражений по этому параметру, как не могут вызывать возражений и различные сценические воплощения его произведений. Потребность сделать ситуативно-дейктический вывод возникает тогда, когда переводчик сталкивается с проблемой неизвестных ему реалий, хотя в некоторых случаях этой потребности может и не возникнуть. Приведем простейший пример. Во многих контекстах фраза из художественного текста *I... rolled up the shade and opened the window* не вызывает никаких вопросов. Она понимается почти автоматически на основании «стандартных» языковых импликаций глагола *open* и существительного *window* и тезаурусных импликаций о том, что такое окно в доме: *я... открыл окно*; возможно, что для придания некоторой динамичности действию переводчик напишет *я... распахнул окно*.

Первый вариант в принципе остается правильным при любых обстоятельствах. Второй вариант будет всегда неправильным, но понимания этой ошибки может не быть вообще, если только текст ИЯ не будет далее следующим: *The way the wind blasted the water over me, it was like stepping under a cold shower. I swore and pushed down the window...* 'Порывом ветра меня окатило водой с головы до ног, как будто я стал под холодный душ. Я выругался и толкнул вниз раму...' Только этот последующий контекст содержит конкретную ссылку на типичную конструкцию окна в американском доме, большом или малом, которое нельзя «распахнуть» и которое можно только поднять или опустить, в зависимости от того, верхнюю или нижнюю раму вы продвинули соответственно вниз или вверх по специально предусмотренным в конструкции окна полозьям. Если не считать окон в автомобиле, автобусе, вагоне поезда, русский читатель и переводчик знает окна, которые можно *распахнуть*, *открыть наружу* или *открыть внутрь*.

Трудность перевода реалий, когда она возникает, связана с ситуативно-дейктической импликативностью, или конкретно-наглядным представлением.

В течение долгого времени ситуативно-дейктическая импликативность текста «Алисы» не служила препятствием для перевода в силу того, что эквивалентность достигалась (или не достигалась) на уровнях языковой, тезаурусной и прагматической эквивалентности. При этом ситуативно-дейктическая импликативность оставалась нерелевантной. Использование ставших классическими переводов из английской детской поэзии С. Я. Маршака «Шалтая-Болтая» и «Происшествия в карточном домике» («Дама Бубен варила бульон ...») в переводе Демуровой (1967) было вполне оправданным, ибо оно приводило к полной совместимости указанных выше трех видов импликативности.

Humpty-Dumpty из английского детского стишка, несмотря на краткость последнего, обладает вполне определенной внешностью и вполне определенным

⁴ В рамках работ по искусственному интеллекту использование ситуативной импликативности можно сравнить с системой понимания, моделируемой на ЭВМ Т. Виноградом [Winograd, 1973]; см. также обзор и оценку этой модели в работе: [Уилкс, 1983], а использование тезаурусной импликативности для узких, ограниченных областей знания — с системами, разрабатываемыми в рамках так называемого фреймового или сценарного подходов [см., например: Шенк, 1983].

характером, выраженными во внутренней форме его имени: *hump* не только 'горб' — и у человека, и у бизона, и у верблюда, но и 'приступ мрачной капризности'; *dump* не только 'нечто толстое и бесформенное', но и 'мрачное настроение' (ср. *to be in the dumps*). О первом Humpty-Dumpty сразу напоминает Алисе при встрече: *My name means the shape I am — and a good handsome shape it is too*. И все иллюстраторы изображали Шалтая в виде яйца, сидящего на стене, острым концом вверх. Второе воспроизводит Л. Кэрролл в характере грубоватого хвастуна и обидчивого человечка. Все поведение Шалтая-Болтая определяется его именем. Шалтай-Болтай, введенный в обиход русской детской литературы С. Я. Маршаком, связан, скорее, с представлением о пустоте и несерьезности (делать что-то шалаяй-валяй, шатать и болтать, шататься и болтаться). Но имплицитивной несовместимости здесь нет.

Широкая распространенность перевода С. Я. Маршака сделала сравнимыми роли Humpty-Dumpty и Шалтая-Болтая в английской и русской детской литературе, но и сама эта распространенность стала следствием сопоставимой имплицитивности перевода и оригинала, афористически прозрачной формы стиха на русском языке. Недаром известный роман Р. П. Уоррена назван по-русски строкой из перевода С. Я. Маршака: «И вся королевская рать...»⁵ (в переводе В. Голышева).

Нерелевантность ситуативно-дейктической имплицитивности до поры до времени приводила к широкому разбросу в выборе русских имен и наименований предметов в переводах гл. IX "The Mock Turtle's Story", гл. X "The Lobster Quadrille" и гл. XI "Who Stole the Tarts?" в «Алисе в Стране Чудес». Гл. XI, например, это сцена суда в связи с происшествием, описанным в следующем детском стихе:

The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a summer day: The Knave of Hearts, he stole those tarts
And took them quite away!

Tarts, представляющие собой открытые пирожки со сладкой начинкой, не имеют точного аналога в русской кухне. Поэтому в разных переводах, часто исходивших из стремления дать удачный эквивалент детского стиха, их «эквивалентом» становились пирожки, кексы, пудинги и котлеты (у С. Я. Маршака), крендели (в переводе стиха, сделанном О. А. Седаковой для Демуровой (1979)). В связи с использованием классического перевода С. Я. Маршака в переводе «Алисы» Демуровой (1967) червонные Дама и Король были заменены бубнами: «Дама Бубен варила бульон и жарила десять котлет...» Кроме того, в сюжете появился лишний (правда, не действующий в «Алисе») персонаж—Десятка Бубен: «...Десятка Бубен украли бульон, котлеты украли Валет». Замена карточной масти, появление лишнего персонажа и даже замена котлетами не создавали имплицитивной несовместимости до тех пор, пока в издании 1979 г., выходившем в серии «Литературные памятники», не было решено использовать оригинальные иллюстрации Дж. Тенниэла. Последний, как известно, был не только иллюстратором, но и постоянным критиком и советчиком Кэрролла в ходе его работы над «Алисой», и его иллюстрации как раз и создавали то конкретно-наглядное представление, которое равноценно появлению ситуативно-дейктической имплицитивности. Иллюстрации Тенниэла исключили возможность всех указанных выше замен и привели к необходимости пересмотра перевода Демуровой, изданного в 1967 г. Эта операция, однако, привела лишь к частичному успеху. Если удалось убрать Десятку и вернуть на место карточную масть, то главным предметом судебного разбирательства Короля стали *крендели*⁶, хотя на фронтисписе Тенниэла,

⁵ Вероятно, не менее удачен и перевод имени другого персонажа английской детской литературы — Winnie the Pooh 'Винни Пух', где достигнута полная совместимость языковой и тезаурусной имплицитивности (пер. Б. Заходера).

⁶ Основой гл. XI «Кто украл крендели?» стал перевод О., А. Седаковой:

Дама Червей напекла кренделей
В летний погожий денек.

изображающем сцену суда над Валетом, в самом центре на блюде изображены открытые пирожки, из традиционной русской стряпни больше всего похожие на ватрушки. Аналогичная судьба в переводах выпала и на долю главного героя гл. IX и X — персонажа по имени Mock Turtle. Откуда взялось это существо, изображенное Тенниэлом в виде морской черепахи с головой теленка и телячьими копытцами на задних лапах? Как ни странно, по утверждению Королевы, это существо появилось... из супа:

"Have you seen the Mock Turtle yet?"

"No", said Alice. "I don't even know what a Mock Turtle is".

"It's the thing Mock Turtle Soup is made from", said the Queen.

Mock turtle soup (а не Mock Turtle Soup, как говорит Королева)—это суп из телячьей головы и телячьих ножек, суррогат аристократического (и очень дорогого) черепашьего супа. Английское прилагательное *mock* легко сочетается с образованием привычных понятий для англичан: *a variety of styles from mock Moorish to mock Tudor* 'разнообразие стилей от имитации мавританского до лже-Тюдора', *mock seam* 'отделочный шов', *mock modesty* 'ложная скромность', *mock marriage* 'фиктивный брак' и т. д. Эквивалентами этого прилагательного в разных контекстах в русском языке могут быть прилагательные *искусственный, фиктивный, фальшивый, поддельный, ложный, игрушечный*, существительные *подделка, имитация, макет, модель*, приставки *лже-, квази-*, предлог *под* (в сочетании *под орех* и т. п.).

Среди многих «двойников» этого существа: Рыбного Деликатеса (Б. Заходер), Мок-Тартля-Фальшивой Черепахи (А. Оленич-Гнеденко), Чепупахи (В. Набоков), Под-Котика (Н. Демурова, 1967 г.),—с точки зрения имплицативной совместимости (кроме ситуативно-дейктической) Под-Котик был, пожалуй, удачнее всех других — на протяжении двух глав кумулировалась тезаурусная имплицативность образа Под-Котика. Поскольку, однако, в результате публикации «портрета» Mock Turtle'a работы Тенниэла Под-Котик (т. е. «базовый» образ Котика) оказался несовместимым с ситуативной имплицативностью оригинала, в переводе 1979 г. появилась Черепаха с «ученым» именем Квази. Латинская приставка сразу помещает возможные тезаурусные имплицатуры имени в круг научных понятий, явно несовместимый с кругом обыденных понятий, вполне доступных детям, которые имплицитно подразумевает Mock Turtle. Тезаурусные и соответственно прагматические имплицатуры двух имен не пересекаются и, следовательно, несовместимы.

Кумуляция имплицативности создает текстовую имплицативность, которая может быть выражена (и даже в какой-то степени формализована) в так называемых семантических запретах У. Чейфа [Chafe, 1972], которые относятся к смысловым импликациям языкового типа. Формула Чейфа « $X \rightarrow Y$ » содержательно истолковывается так: «наличие семантического элемента X требует далее в сообщении семантического элемента Y и влечет за собой его наличие». Контекстуальное (текстовое) правило приобретает вид: $W:X \rightarrow Y:Z$ и содержательно прочитывается так: «наличие семантического элемента W вводит зависимость $X \rightarrow Y$, которая остается в силе до момента появления Z, когда зависимость исчезает». Модифицированное правило Чейфа [см.: Чернов, 1984], касающееся тезаурусных имплицатур, приобретает такой вид:

Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок.
Король Червей, пожелав кренделей,
Валета бил и трепал.
Валет Червей отдал семь кренделей,
И с тех пор он больше не крал.

W	:X → определенность $x: \neq \neq \dots$
предмет	часть
явление	признак
причина	следствие

и содержательно значит следующее: при упоминании в связном сообщении целого предмета, явления или причины последующие упоминания части данного целого предмета, признака данного явления или следствия, необходимого вытекающего из данной причины, в норме сопровождаются категорией определенности, отражающей импликацию одновременного существования (коэксистенции) части, признака или следствия. Эти ограничения распространяются по крайней мере на следующее высказывание, после чего они могут прекратить свое действие либо сохраняться дальше. Следствием этого правила (отражающего сочетание языковой и тезаурусной имплицитивности) является чисто тезаурусное правило, согласно которому упоминание в данном сообщении (тексте) какого-либо предмета или явления имплицитно вводит в ситуативный и тезаурусный контекст сообщения некоторую предметную область с присущими ей реальными связями, которые будут имплицитировать одновременное существование в контексте данного сообщения не только присущие им части и признаки, но и некоторый иной предмет или явление более высокого ранга, частями или признаками которого они являются сами. Если на протяжении какого-то отрезка сообщения предметы и явления этой предметной области продолжают эксплицитироваться в тексте в соответствии с ожидаемым, этот факт усиливает тезаурусную имплицитивность коэксистентности для всей данной области; если они прекращают эксплицитироваться на некотором значительном отрезке сообщения, тезаурусная имплицитивность для данной области может исчезнуть, а всякое отклонение от этого закона будет ощущаться как нарушение смысла.

Следствие этой семантико-смысловой закономерности для перевода достаточно жестко — на любом участке (отрезке) текста ИЯ и соответствующем участке текста ПЯ эта контекстно-связанная имплицитивность должна быть совместимой.

И еще один пример из «Алисы». Известно, что в Стране Чудес персонажи The King and The Queen это — 1) the King and the Queen of Wonderland и одновременно 2) the King and the Queen of Hearts. Но если шахматные король и королева Зазеркалья с таким же успехом могут оставаться самими собою в русском переводе, то для Страны Чудес эта проблема гораздо сложнее, ибо, будучи Королем и Королевой этой страны, the King and the Queen вместе с тем являются карточным королем и карточной... дамой. В результате в переводах на русский язык в гл. VIII (первое появление персонажей The King and the Queen of Hearts) появляются «Король и королева (?) червей» (А. Оленич-Гнеденко); «Король и королева (?) бубен» (Н. Демурова, 1967); «Червонный король и червонная дама, т. е. королева» (?) (Б. Заходер); «Король червей со своей королевой» (?) (В. Набоков) и, наконец, «Червонные король и королева» (Н. Демурова, 1979). Только у Б. Заходера остается весьма отдаленная и проблематичная возможность того, что через две с половиной главы читатель вспомнит «то есть» переводчика и отождествит пострадавшее лицо в обвинительном заключении — Червонную Даму — с Королевой, приказывающей отрубить всем голову. Во всех остальных случаях — в русских переводах — это разные персонажи. Контекстную имплицитивность сохранить не удастся.

В заключение отметим, что отсутствие совместимости по любому виду имплицитивности, релевантной для данного перевода, может расцениваться как смысловая ошибка. Напомним, что всегда релевантны языковая и тезаурусная имплицитивность, очень часто — прагматическая имплицитивность, а когда вступает в игру ситуативно-дейктическая имплицитивность, в переводе мы получаем либо Кота без Улыбки, либо Улыбку без Кота.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И.Д.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания 1982, № 4.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969.
- Беллерт И.* Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып 8.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Долинин К.А.* Импликативное содержание высказывания // Вопросы языкознания, 1983, № 6.
- Кифер Ф.* О прессупозициях. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1979. Вып. 8
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М, 1980.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь. М., 1971.
- Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания, 1979 № 1.
- Уилкс Й.* Анализ предложения английского языка. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983.
- Флорин С.* Муки переводческие. М., 1983.
- Чернов Г.В.* Лингвистические основы синхронного перевода: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1980.
- Чернов Г.В.* Смысловая импликативность как основа понимания речевого сообщения // Проблемы контекстной семантизации лингвистических категорий. М., 1984.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973.
- Шенк Р.* и др. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежном языкознании. М., 1983. Вып. 12.
- Chafe W.L.* Discourse Structure and Human Knowledge // Language Comprehension and Human Knowledge. R.O. Freedle, J.B. Carroll (eds.). Washington, 1972.
- Lyons J.* Semantics. Cambridge University Press, 1977, Vol.2.
- McCawley J.D.* Everything That Linguists Have Always Wanted To Know About Logic* ... *But Were Ashamed To Ask. The University of Chicago Press, 1981.
- Searle J.R.* Expression and Meaning. Cambridge University Press, 1979.
- Winograd T.* A Procedural Model of Language Understanding. // Computer Models of Thought and Language. R.C. Schank, K.M. Colby (eds.). San Francisco: W.N. Freeman and Co., 1973.

Статья впервые опубликована в: Текст и перевод. – М.: Наука, 1985.